

УДК 130.31

В.П. Горюнов

ФИЛОСОФИЯ ДУХА: СОЦИАЛЬНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ГОРЮНОВ Валерий Павлович – профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет; доктор философских наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: goryunov42@mail.ru

Анализируется содержание понятия духа с позиций рационального рассмотрения, отрицающего бессубъектное существование духа во всех его формах. Дух представляется как проявление общественного и индивидуального сознания. Показано техносоциальное основание человеческого способа существования живого, порождающее духовность как нормативность и переживание человеческой жизни в их социальном и экзистенциальном выражении. Анализируется соотношение науки и религии в их служении человеку в качестве духовных регуляторов его жизнедеятельности.

ДУХ; ДУХОВНОСТЬ; СОЗНАНИЕ; ТЕХНОСОЦИАЛЬНАЯ ФОРМУЛА ОБЩЕСТВА; БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ; НОРМАТИВНОСТЬ; НАУКА; РЕЛИГИЯ.

Проблема понимания духа и духовности всегда составляла предмет активного обсуждения и мировоззренческого разделения людей, будучи представленной во всех формах общественного сознания. Современность характеризуется усилением поляризации позиций в этом вопросе и увеличением вовлеченности в нее представителей разных групп и слоев общества, выражающих своими взглядами на эту проблему свое место и свою позицию в социуме. В принципе, можно обозначить два альтернативных подхода в понимании духа: как субъектное и бессубъектное сознание в индивидуально-человеческом понимании субъективности. Вопрос о бессубъектном бытии духа в его религиозно-мистическом истолковании мы вообще оставляем в стороне. Обзор существующих в настоящее время компромиссных (научных и околонучных) точек зрения по поводу возможности проявления каких-либо форм бессубъектного сознания представлен в статье А.А. Крушанова [1]. В данной статье рассмотрение духа ограничивается исключительно его принадлежностью живому человеческому сознанию.

Люди отличаются от животных наличием свободной воли, а ее силой и способом распоряжения они отличаются друг от друга. Воля

есть духовное основание человеческой активности, движущая сила целесообразной жизнедеятельности, и ее можно обозначить как силу духа. Дух сам является силой, обеспечивающей единство человеческого действия независимо от того, осуществляется ли оно непосредственно коллективно или опосредованно.

Дух живет только в человеке и умирает вместе с ним, он множится в людях, передаваясь от одних к другим. Но это не аналог вируса, самостоятельно существующего на человеческом субстрате, дух есть свет, образующий картину мира в человеке, но, опять же, не свет сам по себе, как он существует в оптической камере в виде изображения находящихся перед ней предметов, а смысл, заключенный в этом изображении. Именно он обуславливает все многообразие форм поведения человека в реальном мире, воплощая в себе его свободу воли, энергию жизненной активности, задает сам способ его самоутверждения.

Животное вписано в окружающую природу и в своем существовании полностью подчинено ее законам. Оно движется в своем жизненном пространстве в соответствии с устройством собственного тела и особенностями психической структуры, его поведение произвольно,

будучи подчиненным инстинкту самосохранения. Овцы не восстают против засилия волков, мыши не воюют с кошкой, карась прячется от щуки. В природе есть только движение вещей, но нет воли и смысла.

Первобытный человек, как и животное, не выделяет себя из окружающей среды, он вписан в нее и действует в полном соответствии с ее законами. Но первобытный человек ощущает себя в качественно иной среде, явленной ему в одухотворенном виде, полной определенных значений и смыслов, соответствие которой выражается не в организмической заданности психофизических реакций в его поведении, а в непреодолимой коррекции его намерений и действий этими значениями и смыслами, исходящими от вещей. Первобытный человек живет в мире опредмеченных духов, или, что то же самое, — в мире одухотворенных вещей.

Цивилизованный человек дематериализует дух, отделяет его от предметов природы и наделяет самостоятельным существованием. В религиозной модели бытия дух (Бог) оказывается главным элементом объективной реальности и определяющим фактором человеческой духовности. В атеистической модели местом пребывания духа является человеческая голова, будь то в рамках материализма или субъективного идеализма, с той лишь разницей, что с позиций материализма дух объективен по отношению к отдельным индивидам, будучи резонансно настроенным в сознании других индивидов и являясь коллективной волей, духовной силой коллективного действия, а с позиций субъективного идеализма дух ограничивается пределами индивидуальной свободой воли.

Особое место в ряду концептуальных моделей духа занимает его экзистенциалистское понимание, наиболее ярко представленное русским философом Н.А. Бердяевым, для которого, это можно без преувеличения сказать, данная тема была наиболее волнующей. Здесь примечательно то, что экзистенциалистское видение духа вообще и бердяевское в особенности отрицает его объективное существование и одновременно отрицает связь с объективной реальностью, которой принадлежит сам человек как его носитель, но при этом выводит за рамки человеческой субъективности.

Для иллюстрации такой позиции приведем цитату из работы Н.А. Бердяева: «Мир склоня-

ется к отрицанию реальности духа. Он не сомневается лишь в реальности видимых вещей, принуждающих себя признать. Но дух не есть видимая вещь, он совсем не есть вещь среди вещей. ...Противники реальности духа говорят, что дух есть лишь субъективное душевное состояние людей. ...Поэтому защитники духа хотят доказать, что явления духа объективны, а не субъективны. Спиритуалистическая онтология утверждает, что подлинное бытие, сущность бытия есть дух, и дух есть бытие, объективное бытие. Дух не только не есть объективная реальность, но не есть бытие как рациональная категория. Духа нигде нет, как реального предмета, и никогда нет. Философия духа должна быть не философией бытия, не онтологией, а философией существования. Дух есть реальность не только иная, чем реальность природного духа, чем реальность объектов, но есть реальность совсем в другом смысле... Дух раскрывается в субъекте, а не в объекте... Субъект же есть творение Божье, и потому ему дано первородное существование. ...Поэтому, хотя дух лишь в субъекте, а не в объекте, но он совсем не субъективен. ...Трехчленное понимание человека как существа духовного, душевного и телесного имеет вечный смысл. ...Но это совсем не означает, что в человеке есть как бы духовная природа наряду с природой душевной и телесной, это значит, что душа и тело человека могут вступить в иной, высший порядок духовного существования... Человек есть духовное существо, в нем есть духовная энергия, но у него нет объективной духовной природы, духовной субстанции, в противоположность душевной и телесной. Дух дает смысл действительности, а не есть другая действительность. Дух есть как бы дуновение Божье, проникающее в существо человека и сообщающее ему высшее достоинство, высшее качество его существования, внутреннюю независимость и единство. ...Совсем не верно, что мир творится субъектом, мир творится Богом, но Бог творит не объекты, не вещи, а живые, творческие субъекты. Субъект не творит мир, но он призван к творчеству в мире. Субъект творит весь мир, но этот субъект не человек, это есть трансцендентальное сознание, сознание вообще, сверхличный субъект, абсолютный дух» [2, с. 364–368].

Таким образом, источником духа в человеке, по Н.А. Бердяеву, является Бог, через чело-

века выполняющий свою творческую функцию. Если обойтись в данном случае без мистификации духа, то рационально объяснить его природу невозможно, не впадая в солипсизм со всеми его парадоксами.

Дух сосредоточивается, концентрируется на каком-либо предметном носителе, имеет некое предметное выражение. Сюда можно отнести: дух борьбы, войны, победы, свободы, величия, господства, любви и ненависти, индивидуализма и коллективизма (здесь предметом духа являются общественные отношения); дух силы и мощи, выражение которых представлено средствами регулирования отношений, например военной техникой; дух накопительства и наживы, опредмечиваемый в деньгах; национальный дух и множество других форм человеческой духовности. При отсутствии материальных условий утверждения духа появляется дух уныния, страха, подчинения, смирения. В целом общим содержанием и сущностью человеческой духовности следует признать общественную природу человека, т. е. предметом и сферой действия духа в конечном счете является общественное отношение. Следовательно, понять природу духа мы можем только лишь на основе понимания природы данного отношения. Изложение закона общественной жизни как совокупности отношений, соответствующее сложившейся в настоящее время социальной реальности, представлено нами в научном издании «Философия. Теория социальной ответственности» [3].

Совокупная масса ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнительском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, «преодолеть» данную техносociальную фор-

мулу. Общество не в состоянии догнать само себя в непрекращающейся гонке необходимых и производимых ресурсов жизни. То есть, с одной стороны, имеется реально живущее и производящее население, а с другой — масса производимых им ресурсов жизни, недостаточная для выживания всего этого населения.

Материальное производство принципиально не достигает уровня, обеспечивающего всеобщее выживание данного населения, необходимая масса которого увеличивается с опережением. Физический смысл техносociальной формулы общества состоит в том, что обществу как совокупности людей требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, т. е. нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе: масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, т. е. полного проживания жизни всеми членами совокупного населения.

Как естественная органическая жизнь не выходит за рамки существования природы и является одной из форм природного бытия, так и человек представляет собой специфический способ существования живого, главные особенности которого состоят, во-первых, в предметно-орудийной деятельности, т. е. в производстве на основе техники, во-вторых, в особой организации совместной жизни на базе фундаментального социального отношения «цель — средство». Впрочем, использование техники само по себе не создает человеческого способа жизни, а является лишь его необходимой предпосылкой. Поэтому не имеют достаточных оснований популярные рассуждения о разумности некоторых животных и об их способности к целенаправленному созданию и систематическому использованию орудий труда (именно технических средств, а не просто случайно попавших в поле внимания предметов). Создание и использование техники оказывается возможным лишь при условии превращения одного человека в средство существования другого человека, только за счет этого компенсируется отставание получаемой в процессе производства массы ресурсов жизни от массы ресурсов, затрачиваемых на производство. И наоборот, пре-

вратить одного человека в средство существования другого человека можно только с помощью техники. В этом синтезе человека и техники в виде говорящего орудия их взаимодополняемость симметрична — здесь можно равнозначно говорить о присоединении человека к орудию или орудия к человеку.

Именно орудийное функционирование одного человека в руках другого явилось конечным результатом материально-деятельностной эволюции, высшим выражением технического первобытного гения. Как жизнь животного сводится к поиску пищи, так и жизнь человека сводится к производству средств существования. Однако человек в отличие от животного осуществил внутривидовое раздвоение на цель и средство и основал на этом раздвоении систему общества.

Следовательно, стержневую основу так называемого технического прогресса, понимаемого как прогресс в подчинении природы человеку, составляет прогресс в подчинении человека человеку. А поскольку «оба» человека — разумные существа, то это стремление превратить другого в свое средство сугубо взаимно. Борьба за выживание неотвратимо втягивает всех и каждого, избежать ее, уклониться от нее не может никто. Каждый человек в той или иной форме делает (осознанно или неосознанно) свой выбор в безраздельной принадлежности к «мы» и, следовательно, ставит себя в бескомпромиссное противостояние по отношению к «они». Либо мы их, либо они нас — другого не дано. Люди с сильной верой и сильной волей (волей духа прежде всего, ибо ее физиологическое выражение только сопутствующий материал) легко и свободно делают свой выбор. Люди слабые либо не могут сделать окончательного, разового выбора, поскольку не обладают устойчивой верой, либо по слабости духа (воли) всегда подчиняются, меняются, предаются, а потому они всегда страдают. Осознание действия техносциальной формулы выводит борьбу за существование за рамки ценностных суждений, она не может быть справедливой или несправедливой, гуманной или антигуманной — борьба за выживание характеризуется только степенью результативности.

Никогда не прекращающаяся борьба за выживание, порождаемая и воспроизводимая всеобщим непреодолимым дефицитом ресур-

сов жизни, насквозь пронизывает общество в виде перепадов уровней жизни от богатства до нищеты и в совокупности образует постоянную напряженность общества, определенное социальное давление. Это понятие методологически работает как в аспекте существования индивида, подверженного давлению со стороны социальной среды, аналогичному давлению какой-либо материально-предметной среды (например, воды, газа, магнитного поля), но с тем отличием, что от социальной среды невозможно изолироваться (гарантированно защитить карман, квартиру, зарплату, информацию, жизнь, свободу, честь и т. д.), т. е. от социального давления нигде нельзя укрыться; так и в аспекте существования общности, уровень социального давления в которой характеризует ее состояние, степень устойчивости (социальное здоровье). Повышенное социальное давление говорит о состоянии общественного кризиса.

Учитывая, что социальное давление субъектно по источнику и адресной направленности (одни люди оказывают давление на других людей, а не просто люди давят друг на друга), социальное давление может быть обозначено как насилие, имеющее сквозной, всеобщий характер. Данное понятие обычно рассматривается в рамках ценностного сознания и имеет негативное значение. Соответственно из тезиса о всепроникающем характере социального давления следует тезис о неотвратимости насилия, драматизирующей человеческую жизнь, которая характеризуется непрекращающимся состоянием напряженного ожидания насилия и готовности к определенному действию. У одних людей это выражается в страхе и желании спрятаться, у других, напротив, в агрессивности и стремлении опередить в насилии. Возможно, здесь заложены исходные психологические различия социального поведения, естественный природный материал формирования социальной структуры общества.

Таким образом, человек включен в сферу бескомпромиссной борьбы за место в системе отношений господства и подчинения. Отдельно взятый индивид лишь опосредованно является субъектом отношения «цель — средство» и, будучи членом той или иной общности, ориентирован на позитивную нормативность жизнедеятельности (например, христианские заповеди), в той или иной форме свойственной

каждой исторической общности. В пределах своей общности жизнь человека извне задается справедливостью, а изнутри — совестью. Вне общности, в сфере межобщностного взаимодействия борьба за место в системе отношений господства и подчинения имеет непосредственный характер, является абсолютной. Союзы и объединения здесь сугубо относительны, а нормативность исключительно однонаправлена: в отношениях между общностями закон и справедливость отсутствуют.

В конечном счете социальная дифференциация выражается в дискриминации как узаконенном неравенстве по самым разным признакам — расовым, национальным, религиозным, имущественным и пр. Бедными и богатыми не рождаются изначально, подобно брюнетам и блондинам, ими становятся в процессе борьбы за выживание, происходящей без объективно заданных правил и беспристрастного судейского надзора. В собирательном виде социальная дифференциация — это разное право на жизнь вообще.

Человеческий разум направлен на познание природы (чтобы человек мог делать технику, добывать средства жизни и просто понять тот мир, в котором он живет) и общества (чтобы встраиваться в него). Одновременно человек хочет понять самого себя: свое происхождение, предназначение, свою судьбу, смысл и цели собственного существования, данное устройство общества и отношение к другим людям, проблему долга вообще. Это указывает на двойственность человеческого познания: с одной стороны, решаются практические, утилитарные задачи по обеспечению выживания; с другой — самопознание, рефлексия. Вторая сторона сознания возвышает человека, его дух и вызывает наивысшее напряжение. Однако она сугубо вторична, производна и утилитарна в подчиненности первой стороне. В конечном счете от разума требуется только поиск средств выживания. В этом состоит драматизм человеческого существования. Человек хочет найти оправдание своей жизни, которая реально сводится к борьбе за выживание, человек как бы стыдится сам себя и оправдывается сам перед собой, что находит свое выражение в творчестве выдающихся гуманистов. XIX век представлен в литературе разоблачением естественности человека, показом его дурной природы, слабо-

сти, подлости и прочего, XX век характеризуется стремлением к разоблачению человека социального, функционального, к разоблачению самой общественной жизни (начальника, чиновника, мужа, жены и прочих социальных ролей). Но человека бессмысленно разоблачать или жалеть, его можно только объяснить.

Человеку приписывают преодоление стремления к выживанию, доминирование духовности в его жизнедеятельности. Однако человек, наоборот, стремится к сверхвыживанию, т. е. преодолению естественных пределов жизни. Вся духовность человека направлена на выживание. Здесь есть выход в трансцендентное, бесконечность, но это побочный продукт. Всякого рода идеи о вечном и бесконечном производятся для реального потребления, в конечном счете — на продажу. Направленность мысли на вечность и бесконечность предполагает мучительное напряжение, всегда связанное с конкретным существованием. От скуки и безделья в бесконечность не выходят.

Что бы люди ни приписывали самим себе из области высокой духовности, будь то особый смысл, особые цели, особое назначение их присутствия в этом мире, они никогда не перестанут быть просто живыми организмами, научившимися преобразовывать природу и создавать новые ресурсы жизни, но не имеющими возможности вырваться из природной необходимости, вынужденными бороться друг с другом за выживание и переживающими состояние бескомпромиссной борьбы в виде особой духовности со всеми ее смыслообразующими атрибутами.

Природное существование, будучи естественным процессом, не требует ни рационального осмысления, ни эмоционального переживания и не подлежит оценке. Социальное бытие все это требует по той простой причине, что человеческая жизнь оказывается возможной только за счет другой человеческой жизни. То есть необходимо объяснение и оправдание человеческой жизни, ее обоснование. Однако рациональное сознание здесь оказывается бессильным, на первый план в объяснении человеческого бытия выступает ложное сознание, или, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, идеология [4]. Ложное сознание — это не просто мифологическое, иллюзорное заблуждение, это нормальное сознание, а иного не может быть в принципе.

Из непреодолимости действия техносциальной формулы общества вытекает человеческий способ жизни вообще, в развитой форме представленный производственно-технической деятельностью, собственностью, семьей, государством и духовной жизнью в виде научного познания, политического и правового регулирования, а также комплекса идеологической нормативности — морали, искусства, религии, задающих систему ценностей в качестве базовых ориентиров человеческой жизни. Беспредельность процесса естествознания поддерживается ненасыщаемым поиском предметной полезности, политика и право диктуются практической целесообразностью, идеологическая нормативность направлена на формулирование цели и смысла человеческой жизни, определение ее истинности и справедливости в контексте бескомпромиссной борьбы людей друг с другом за собственное выживание.

В рамках понимания сознания в качестве главного отличительного признака человека именно в идеологической нормативности больше всего проявляется собственно человеческий способ существования живого. Если естествознание в своей субъективности нейтрально, а политика и право сугубо прагматичны, то идеология изначально предвзята, будучи безусловным оправданием существования одной жизни за счет другой. Литература и искусство во всех своих проявлениях конструируют вымышленное бытие и толкают человека на поведение в реальном мире, заимствованное из мира вымышленного. Дело не в том, что бытие человека легче придумать, чем объяснить, и соответственно придуманность непрестанно обновляется и становится все более изощренной, а в том, что объяснение само по себе никому не нужно, потому что оно бессмысленно, безразмерно, — человек не может в нем действовать в силу отсутствия опорных точек, направляющих ориентиров. Вместе с тем идеологическое придумывание мира не означает его произвольное измышление, порождающее ненастоящий, иллюзорный мир, а представляет собой определенное объяснение, создающее ложный, но настоящий мир, ориентирующий на получение настоящего результата — выживания, рациональное обоснование которого вне идеологии невозможно. На уровне индивидуальной деятельности единство

ложности и подлинности мира разведено: человек дела, активный гражданин подлинного мира — слуга стереотипа, а человек идеи, патриот ложного мира — пленник мифа.

Жизнедеятельность индивидов имеет общественный характер, более того, индивидуальное бытие растворяется в общественном, несмотря на то что в обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, — сам индивид есть порождение этой совместности, вне которой индивидуальное бытие вообще лишается каких-либо оснований. Следовательно, индивидуальное самосознание также принадлежит общественному, и определение смысла и цели индивидуального бытия целиком вписывается в параметры идеологии. Активность индивидуальной жизни — настроенность людей на труд, терпение, лишения, подвиги, жертвенность, радость, горе и т. д. — обусловлена внутренним миром человека, скроенным по меркам общественной модели бытия, и необходимо подкрепляется особой ритуальностью как формой внешнего выражения согласия индивидов с этой общественной моделью и одновременно символом их приобщения к ней. Человеческая жизнь измеряется координатами двух главных социальных структур — отечества и семьи, принадлежность к которым определяет высшую нормативность человеческой жизни — веру и любовь, только они задают смысл и цель жизни, т. е. то, ради чего и как надо жить. Животное не знает жизни и смерти, не переживает собственной смертности, а человек переживает и радость жизни, и страх смерти, но только в рамках ложного сознания, задающего нормативность жизни.

Наиболее простое объяснение идейного стремления человека всей своей духовной активностью преодолеть собственную телесность лежит в религиозно-мистической области, где оно доводится до крайности призыва к прямому умерщвлению плоти во имя необходимости спасения души. Несмотря на несостоятельность мистификации о бессмертии души, здесь, по крайней мере, очевидна мотивация провозглашения господства идеального над материальным в человеческой жизни, понятны призывы к умеренности, воздержанности и т. п. Более того, всеобщим, конечным выражением веры, не ограничиваемой во всем ее предметном многообразии ни религиозными, ни свет-

скими рамками, является вера в смысл человеческой жизни. Именно она, а в конечном счете только она, поддерживает активную напряженность человеческой деятельности и оправдывает все издержки бескомпромиссной борьбы за существование. Утрата веры означает отказ человека от этой борьбы, следовательно, без веры нет самой человеческой жизни. Многообразие религиозных и светских форм веры отражает всего лишь многообразие исторических форм существования и борьбы за него. Практика показала, что религиозная вера является наиболее универсальной и устойчивой формой обоснования общественной нормативности, целевой и смысловой заданности человеческой жизни (социальная сущность религии в контексте техносциальной формулы общества рассмотрена нами в статье [5]). Вера есть связывающее людей воедино жертвоприношение, в котором они разделяются на тех, кто приносит в жертву других, и тех, кто приносит в жертву себя.

Модель преодоления человеком своей телесности, а более широко – внешней необходимости, диктуемой материальной предметностью бытия, означает обретение человеком свободы, воплощенной в свободе духа. Вопрос о свободе духа по отношению к материи в контексте техносциальной формулы можно рассматривать с трех основных позиций.

1. *Фантастический*. Путь обретения свободы через науку и технику, т. е. путь освобождения от действия техносциальной формулы, путь подчинения природы с помощью самой природы. В этом случае изначально нет направленности, нет цели действия, кроме самого факта выхода человека в сферу надприродного существования, которое необходимо дополняется духовностью в качестве некоего оправдания выхода в данную сферу сверхприродного бытия. Но все это оказалось утопией, столь же неосуществимой, как и построение вечного двигателя.

2. *Мистический*. Вообще абсолютный отказ от попыток преодоления техносциальной формулы, но не как отступление, а как обретение независимости от греховно-суетной материальности вообще с ориентацией на вечное спасение души.

3. *Реалистический*. Осознание объективной непреодолимости действия «формулы» как всеобщего техносциального закона общественной жизни, определяющего отношение

«цель – средство» в качестве фундаментального, системообразующего социального отношения. Основу духовности в таком случае составляет не что иное, как переживание этого отношения и средство борьбы по его поводу: с одной стороны, оправдание насилия, с другой – смирение перед ним.

Иисус Христос подарил людям великую мечту – рай на небе как вознаграждение за богоугодную, добродетельную жизнь на земле. Эта мечта имеет всеобщий универсальный характер, потому что всеобщим универсальным является действие техносциальной формулы общества. Столь же универсальна вытекающая из нее мораль, основное содержание которой фокусируется в смирении (непротивлении), более значимом принципе отношений между людьми в условиях действия данной формулы по сравнению с бескомпромиссной борьбой за существование. Маркс подарил людям другую мечту – рай на земле, требующий для своего осуществления прохождения именно через такую борьбу на уничтожение. То и другое дает противоположный результат – разделение людей на цель и средство по отношению друг к другу. Соответственно обе мечты служат для кого-то орудием подчинения других, а для кого-то призывом к собственной жертвенности.

Лишение людей неким дьявольским искушением этих мифологических иллюзий обесмысливает их жизнь, неотвратимо ведет к краху. В одном случае оно представлено познанием и верой в себя (атеистическое искушение), в другом – стремлением к тотальному подчинению и господству над миром (антикоммунистическое искушение, противопоставляющее коммунистическому интернационализму фашистский национал-социализм). Данные европейские модели религиозного и атеистического коммунизма стали всемирными образцами утопического сознания, варьирующими в различных формах во всех частях современного мира. Все современные проблемы глобализации и вообще будущей истории так или иначе будут крутиться вокруг этих моделей, поскольку они являются единственно возможными альтернативными иллюзиями придания человеческому существованию цели и смысла в рамках действия техносциальной формулы общества.

В лице человека дух приводит материю в движение. Речь не идет о спиритизме. Но толь-

ко собственный дух может заставить человека удерживаться за пределами ограничений естественно-природного равновесия, стремиться к избыточному существованию [См.: 6]. Человеческая жизнь, как особый способ существования живого, с ее опорой на интеллект, есть безрезультатный бунт против природы. В этом плане человеческая жизнь бессмысленна. В рамках теологического рассмотрения она представляет собой вызов Богу, и в той мере, в какой одна состоявшаяся человеческая жизнь имеет своим источником другую, превращенную в средство и потому несостоявшуюся человеческую жизнь, она не только бессмысленна, но и греховна, а с точки зрения абстрактного гуманизма преступна. Субъективность задает мотив и оправдание греха и преступления, интеллект является орудием их совершения, он бессилён в их оправдании и определении смысла. В обществе нет ни земного, ни небесного Вышнего суда, в обществе вообще нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, наделенных интеллектом и экзистирующих (переживающих) по поводу борьбы за существование с себе подобными.

Однако, несмотря на то что человеческая жизнь бессмысленна, греховна и преступна, она прекрасна, что является ее главным и единственным оправданием. Человек не может насытиться жизнью, он может устать от борьбы за нее — в состоянии болезни, старости, трудового и другого физического изнурения, он может потерять надежду на достижение целей или разувериться в них, утратить смысл борьбы за жизнь. Но если не искать этот смысл изначально и иметь возможность не напрягаться в борьбе за нее, то можно жить бесконечно и никогда не устать от жизни, как не устает стоящее на одном и том же месте дерево. Но это будет не человеческая жизнь, потому что в ней не будет духовности, которая возникает именно на почве борьбы за жизнь. А поскольку это борьба людей друг с другом, постольку духовность так или иначе сводится к поиску ее смысла и оправдания, но в этом поиске нет опорных точек ориентации и потому не может быть положительного результата.

Поиск универсального закона бытия означает стремление к всеобщей гармонии, к достижению полной согласованности его элементов. Этот поиск мирового порядка есть поиск выхо-

да из перманентного кризиса, выражающегося в несогласованности, разорванности бытия человека. Однако перспектив для нахождения единого закона природы, а тем более общественного (социального) и индивидуального (экзистенциального) не просматривается. Точки отсчета и ориентиры человеческого бытия не определяются, отсутствует понятный, рационально формулируемый общественный закон. Казалось бы, его открытие все расставит на должные места и люди смогут обустроить свою жизнь в соответствии с этим законом. Но вся история человеческой мысли свидетельствует лишь о неминувности крушения любых идеальных моделей бытия.

Действие техносоциальной формулы обуславливает деятельность только по необходимости, что-то всегда надо неотложно осуществить, а конечным стремлением, даже неосознанным, является преодоление действия этой формулы. Но поскольку она непреодолима в принципе, то соответственно невозможно определить цель, которая выходила бы за пределы необходимости. То, что необходимо, — понятно, но то, что хотелось бы, а тем более что должно быть, поддается определению только в рамках мифологии. Но в этом и состоит трудность поиска смысла жизни, который, следовательно, оказывается ограниченным самим фактом ее сохранения. Жизнь человека в контексте техносоциальной формулы как бы подтверждает миф о наказании человека Богом за грехопадение в виде обреченности на земной труд именно как наказание в силу его безрезультатности, т. е. на Сизифов труд. Никто не знает, как надо жить, но не потому, что истина скрыта, а потому, что такой истины нет. Правила жизни складываются в борьбе за нее. Следовательно, надо не только жить по правилам, но и бороться за эти правила, продвигать их, т. е. продвигать себя.

Духовная напряженность и результативность размышлений по вопросу о сущности человеческой жизни не зависит от возраста, над этим вопросом одинаково бились юноша Лермонтов и старик Толстой, результат был один и тот же — сплошное сомнение, в равной мере толкающее к Богу и конфликту с ним. Загадка человеческого бытия неразрешима, потому что ее не существует. От простых жизнеописаний мифологического характера в древности осуществляется переход к нравоучительной

смыслоразнозначной трактовке человека в рамках средневековой библейской нормативности, затем следует этап героизации и романтизации человеческой жизни в эпоху Нового времени, сменяющийся периодом развенчивания и обличения человека, изображения его порочной натуры, поиска путей социальной гармонии. Двадцатый век завершается растерянностью и страхом человека перед самим собой, признанием его неспособности добиться гармонизации собственной жизни и возможности понимания самого себя; человек уже не заслуживает ни восхищения, ни преклонения, ни проклятия, он достоин скорее жалости и сочувствия. Люди больше не могут сказать ничего нового ни друг другу, ни себе самим. В искусстве и средствах массовой коммуникации началась гонка необыкновенных ситуаций, способных хоть как-то, на какое-то время привлечь к себе внимание. Сюжеты детектива, ужаса, мистики, пророчества, психической аномалии, техни-

ческой и социальной фантастики соперничают в изображении чего-нибудь такого, чего еще никто не придумал. Объективная социальная реальность остается необъясненной и все больше подменяется виртуальной.

Осознание техносциальной формулы общества позволяет человеку сформулировать три главные заповеди своей жизни, соизмеримые с объективностью его бытия: понять, что он хочет; узнать, что для этого надо, и ничего не бояться. Не бояться в конечном счете смерти, поскольку любой страх так или иначе сводим к страху смерти. Здесь речь не идет о безразличии к жизни, а имеется в виду, что в соревновании за нее на первом месте должно быть стремление победить, а на втором – не погибнуть, независимо от того, какой конкретный смысл вкладывается в понятие победы и гибели. Те, для кого гарантия жизни на первом месте, никогда не побеждают и чаще гибнут, на войне в том числе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крушанов А.А. Нуждается ли наука в идее духа? // Вестн. Рос. филос. об-ва. 2014. № 3 (71). С. 62–69.
2. Бердяев Н.А. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. 480 с.
3. Горюнов В.П. *Философия. Теория социальной относительности*. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 404 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Соч. Изд. 2-е. В 50 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.
5. Горюнов В.П. Наука и религия: единство и борьба противоположностей // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2011. № 1 (118). С. 243–253.
6. Он же. Избыточное существование как фундаментальная характеристика техногенной цивилизации // Учен. зап. Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. *Философия. Культурология. Политология. Социология*. Т. 23 (62), № 2. Симферополь, 2010. С. 135–141.

V.P. Goryunov

PHILOSOPHY OF SPIRIT: SOCIO-EXISTENTIAL STUDY

GORYUNOV Valeriy P. — *St. Petersburg State Polytechnical University*.

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: goryunov42@mail.ru

The essence of the concept of spirit in terms of rational consideration, which denies the existence of subjectless spirit in all its forms, is analyzed. Spirit appears as demonstration of social and individual consciousness. The technosocial base of the human way of being alive is shown. It generates spirituality as

standardization and experience of human life in their social and existential terms. Relationship between science and religion in their devotion to man as spiritual controls of his life is analyzed.

SPIRIT; SPIRITUALITY; CONSCIOUSNESS; TECHNOSOCIAL FORMULA OF SOCIETY; STRUGGLE FOR EXISTENCE; STANDARDIZATION; SCIENCE; RELIGION.

REFERENCES

1. Krushanov A.A. Nuzhdayetsya li nauka v ideye dukha? *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva*, 2014, no. 3 (71), pp. 62–69. (In Russ.)
2. Berdyayev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha*. Moscow, Respublika Publ., 1994. 480 p. (In Russ.)
3. Goryunov V.P. *Filosofiya. Teoriya sotsial'noy otноситel'nosti*. St. Petersburg, Polytechnical Univ. Publ., 2014. 404 p. (In Russ.)
4. Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya. Works*. In 50 vol. Of vol. 3. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. (In Russ.)
5. Goryunov V.P. Nauka i religiya: yedinstvo i bor'ba protivopozhnostey. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2011, no. 1 (118), pp. 243–253. (In Russ.)
6. Goryunov V.P. Izbytochnoye sushchestvovaniye kak fundamentalnaya kharakteristika tekhnogennoy tsivilizatsii. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Sotsiologiya*. Vol. 23 (62), no. 2. Simferopol', 2010. Pp. 135–141. (In Russ.)